

С. В. Князев

К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ
НЕКОТОРЫХ ТИПОВ АКАНЬЯ И ЯКАНЬЯ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ¹

Московское наречие не только для важности столичного города, но и для своей отменной красоты притчим справедливо предпочтается, а особливо выговор буквы *о* без ударения как *а* много приятнее.

[Ломоносов VII: 430]

Под аканьем в широком смысле в современной лингвистике понимается нейтрализация гласных фонем неверхнего подъема в безударных слогах в звуках, качество которых может зависеть от позиционных условий. В этом значении аканье противопоставлено оканью — различию безударных гласных фонем неверхнего подъема, т. е. реализации их в том же звукотипе, что и под ударением². Термин аканье употребляется и в более узком значении — неразличение в первом предударном слоге после парных твердых согласных гласных неверхнего подъема непереднего ряда (т. к. <е> и <ё> в этих условиях не встречаются). Наряду с аканьем в узком смысле слова имеются разнообразные типы яканья — неразличения гласных неверхнего подъема в первом предударном слоге после парных мягких согласных. Ниже, если это не оговорено специально, термин «аканье» употребляется в широком смысле, в том же смысле употребляется термин «аканье-яканье».

Одним из первых гипотезу происхождения аканья предложил А. А. Шахматов [Шахматов 1915]. Дальнейшая разработка этой проблемы вплоть до настоящего времени связана с выдвинутыми им идеями. Основные положения теории А. А. Шахматова сводятся к следующим пунктам:

- аканье возникло в эпоху после падения редуцированных;
- исходной системой, из которой сформировались все типы аканья, было обоянское (архаическое) аканье;
- в фонетической системе древнерусского языка этого периода сохранились праславянские различия по долготе/краткости гласных (на произносительном уровне, т. к. на фонологическом уровне коли-

¹ Данная статья представляет собой частично переработанный вариант статьи, опубликованной в журнале «Вопросы языкоznания» [Князев 2000].

Исследование выполнено при финансовой поддержке INTAS (грант INTAS 99 — 00795).

² Впрочем, и при оканье различаются не все гласные неверхнего подъема — в этом случае нейтрализуются фонемы <о> и <ö> (в говорах с семифонемным вокализмом).

чественные различия преобразовались в качественные еще в дописьменную эпоху), т. е. долгими были гласные верхнего, верхне-среднего и нижнего подъема, а краткими — среднего подъема:

(1.1)

безударные слоги			ударный слог		
и:	ы:	у:	и:	ы:	у:
ё:			ё:		ö ³
е		о	е		о
	а:			а:	

При этом для гласного ö, возникшего из краткого о под автономным ударением, необходимо отдельное правило, удлиняющее его: ö → ö:, что дает

(1.2)

безударные слоги			ударный слог		
и:	ы:	у:	и:	ы:	у:
ё:			ё:		ö:
е		о	е		о
	а:			а:	

Далее А. А. Шахматов постулирует переход ё: → е в безударном положении, что дает полностью симметричную систему:

(1.3)

безударные слоги			ударный слог		
и:	ы:	у:	и:	ы:	у:
			ё:		ö:
е		о	е		о
	а:			а:	

В дальнейшем, по предположению А. А. Шахматова, произошло сокращение гласного нижнего подъема как в ударной, так и в безударной позиции:

(1.4)

безударные слоги			ударный слог		
и:	ы:	у:	и:	ы:	у:
ё:			ё:		ö:
е		о	е		о
	а			а	

³ Гласный ö был представлен только в ударном слоге.

Затем, в результате смены музыкального ударения «экспираторным»⁴, происходит сокращение безударных гласных, причем долгие гласные изменяются в краткие (и сохраняют противопоставленность друг другу и гласным среднего и нижнего подъема), а краткие — в сверхкраткие (и нейтрализуются в редуцированном среднего подъема [ъ]\[ь]):

(1.5)

безударные слоги			ударный слог		
и: → и	ы: → ы	у: → у	и:	ы:	у:
е → ь		о → ъ(’ъ) ⁵	е		о
	а → ъ\’ъ			а:	

⁴ Следует при этом иметь в виду, что термин «экспираторное\динамическое ударение» является в значительной мере условным. В современной фонетике практически общим местом стало положение о том, что не существует ударения, единственным (или хотя бы даже основным) фонетическим коррелятом которого является интенсивность — в силу того, что увеличение дыхательного усилия влечет за собой как увеличение длительности, так и изменение спектральных свойств гласных. Наоборот, количественное ударение без динамического компонента представляет собой достаточно частое явление. В последнее время было убедительно показано, что интенсивность не является основным компонентом ударения даже в тех языках, ударение которых описывалось обычно как экспираторное — например, в чешском, русском и английском. Так, для английского языка основным физическим коррелятом ударения является длительность гласного (даже несмотря на то, что длительность используется в английском языке и на сегментном уровне — для противопоставления как гласных, так и согласных фонем: *lid* — *lead* с одной стороны и *lid* — *lit* с другой) [Beckman 1986]. В русском языке по интенсивности достаточно надежно выделяются лишь заударные гласные, предударные же чаще всего превосходят ударный по этому показателю [Князев 1998]. Наконец, распределение интенсивности в слове в огромной степени зависит от фразовых условий, так что говорить о какой-то роли интенсивности в создании эффекта ударности можно только на материале произношения изолированных слов: «Традиционной является точка зрения, в соответствии с которой русское словесное ударение характеризуется как динамическое... Это положение можно объяснить только тем, что при описании свойств словесного ударения с сугубо теоретической точки зрения более или менее безразлично, как его назвать — динамическим или количественным. В тех случаях, когда необходимо практически использовать полезные признаки ударения, оказывается, что опираться на старые представления о его динамическом характере невозможно... Детальные исследования громкости показали, что она зависит от двух факторов: во-первых, от качества гласного... во-вторых, от положения слога в слове — чем ближе слог к началу слова, тем больше громкость гласного в этом слоге» [Бондарко 1998: 218–219]; «The intensity curve is generally independent of stress» [Kodzasov 1999]. Таким образом, сейчас вряд ли можно принять точку зрения, согласно которой в эпоху возникновения аканья «ударный слог противопоставлен остальным (безударным) по силе и интенсивности» [Горшкова, Хабургаев 1997].

⁵ Если считать, что описываемый процесс произошел после перехода *е* — *о*; в противном случае — *о* — *ъ*.

В дальнейшем утрачиваются количественные различия в ударном слоге (сокращаются долгие, т. е. гласные верхнего и верхне-среднего подъема):

(1.6)

безударные слоги			ударный слог		
и	ы	у	и: → и	ы: → ы	у: → у
			ё: → ё		ö: → ö
	ъ\ь		е		о
				а	

При этом происходит компенсационное удлинение гласного первого предударного слога, но только в том случае, если он был редуцированным: ъ\ь → а перед гласными верхнего и верхне-среднего подъема. Таким образом:

(1.7) после твердых согласных

безударные слоги			ударный слог		
	ы ъ → а	у	и ё	ы	у ö
	ы	у	е		о
	ъ			а	

Аналогично устроено и диссимиллятивное яканье:

(1.8) после мягких согласных

безударные слоги			ударный слог		
и	ь → а	у	и ё	ы	у ö
и	ы ь	у	е		о
				а	

Предложенная схема полностью соответствует обоянскому типу диссимиллятивного яканья; все остальные типы яканья-яканья, в том числе и недиссимиллятивный, рассматриваются А. А. Шахматовым как нарушения исходной (архаической) модели предударного вокализма в результате аналогического выравнивания [Шахматов 1915: 338–339].

Основные недостатки изложенной выше концепции состоят в следующем:

1. Предполагается сохранение в фонетической системе русского языка эпохи после падения редуцированных праславянских долгот (утраченных на фонологическом уровне еще в дописьменную эпоху) на «произносительном» уровне. Такое предположение вряд ли можно считать обоснованным. Так, исходя из этой гипотезы следовало бы

ожидать, в частности, наличия «орфоэпических» различий по длительности между современными [o], восходящими к ъ, о и ô⁶.

2. Постулируется раннее сокращение а:, не обоснованное ничем, кроме необходимости объяснить механизм формирования аканья⁷.

3. Приходится предполагать удлинение ô, возникшего из краткого o. Вообще, история ô в соответствии с концепцией А. А. Шахматова выглядит довольно неправдоподобной: сначала предполагается его удлинение на фоне отсутствия фонологических противопоставлений по долготе, затем сокращение в ударном слоге.

4. Постулируется раннее сокращение ё: в безударных слогах, не обоснованное ничем, кроме необходимости объяснить механизм формирования аканья.

5. А. А. Шахматов не различает позиции перед конечными и неконечными ударными гласными при том, что по его же утверждению, еще на праславянской почве конечные долгие гласные (например, носовое o, давшее в восточнославянских диалектах у) подвергались сокращению [Шахматов 1915: 331–343]; в силу этого обстоятельства «сократившееся -у в *несу* и сохранившее долготу -у- в *несут* должны были бы оказывать различное воздействие на гласный предударного слога, но оказывается, что воздействие это одинаково... Если же принять, что *несу* содержит рано сократившееся у, в диссимилятивно якающем говоре должно было бы быть **нису* (как *нисла*)» [Кузнецов 1964: 32–33].

6. Наличие систем типа (1.1), (1.2) представляется маловероятным с общефонетической точки зрения. Согласно одной из фонетических универсалий, при отсутствии фонологического противопоставления по долготе собственная длительность гласных возрастает с понижением их подъема (подробнее об этом см. ниже).

⁶ О том, что гласные е и о уже в раннедревнерусском не были противопоставлены по количеству гласным верхнего и нижнего подъема, свидетельствуют и акцентологические данные [Зализняк 1985: 122]. Ср. также: «В праславянском до некоторого момента его развития каждая гласная фонема обладала постоянной количественной характеристикой: o, e, ѿ, ѿ были краткими, a, ё, u, i, и, e, q — долгими... Новые количественные различия возникли в результате процессов сокращения старых долгих и удлинения старых кратких в определенных просодических условиях... В восточнославянских языках, однако, рассматриваемые количественные различия (как старые, так и новые, если они успели сформироваться) не сохранились, если не считать отлиний слабых ѿ, ѿ от всех прочих гласных, выразившегося впоследствии в их падении... Никаких достоверных свидетельств сохранения праславянских количественных различий в эпоху после падения редуцированных нет» [Зализняк 1985: 163–164].

⁷ «Взгляды Шахматова и Дурново основываются на недоказанном и теоретически в высшей степени неправдоподобном предположении, что долгое а сократилось якобы раньше, чем долгие у, и, i. Обычно, однако, как известно, именно узкие гласные сокращаются особенно легко, тогда как открытые гласные наиболее упорно сохраняют свою долготу» [Трубецкой 1987: 161].

7. Неясно, почему «экспираторное» ударение вызывает сокращение ударных гласных.

8. Приходится предполагать независимое возникновение сильного яканья на западе и востоке акающей территории: «Диссимилятивное яканье вообще старше сильного... Сильное яканье белорусских и южновеликорусских говоров развились в каждом из них независимо от другого» [Дурново 1918: 26–27].

9. Диссимилятивные модели вокализма чрезвычайно разнообразны и иногда осложняются ассимилятивным принципом (см. 1.10). Предложенная А. А. Шахматовым гипотеза объясняет возникновение только архаического (обоянского) типа яканья; остальные его типы в соответствии с этой гипотезой представляют собой либо результат разрушения исходной (архаической) модели, либо модели, сформировавшиеся параллельно с архаической. При этом если недиссимилятивное яканье может быть рассмотрено просто как упрощение исходной диссимилятивной модели (т. е. как обобщение предударного [a] в положении перед всеми ударными гласными), то разнообразные типы диссимилятивного яканья вряд ли могут быть выведены непосредственно из архаического⁸. То же относится к системе умеренного яканья, возникновение которого принято объяснять наслоением именно недиссимилятивного яканья на окающую модель владимиро-половецкого типа [Сидоров 1951; 1966].

⁸ Впрочем, Н. Н. Дурново считал возможным объяснить образование, например, суджанского яканья из обоянского в результате утраты гласных фонем средне-верхнего подъема, но не фонетическим путем, а путем аналогии: «Факты... заставляют отказаться от чисто фонетического объяснения возникновения яканья Суджанского типа и искать его в изменениях по аналогии. Такую аналогию, благодаря которой могло возникнуть яканье Суджанского типа, мы найдем, если предположим, что впервые оно развились из яканья обоянского типа: 1) о старое под ударением приблизительно вдвое чаще, чем о из ъ; 2) е из старых е, ё под ударением в общем чаще раза в полтора, чем ъ. Эти отношения должны были вызвать в говорах с яканьем Обоянского типа в случае утраты различия между ударяемыми о старыми и о из ъ и между ударяемыми е из е, ё старых и е из ъ стремление к распространению предударного а на положение перед слогом с о из ъ и предударной редуцированной гласной на положение перед слогом с е из ъ; перед слогом с о из е или из ъ должно было сохраниться старое произношение с редуцированной гласной, если это о по качеству или по количеству в то время еще не совпало с о старым и из ъ» [Дурново 1918: 45–46]. Эта точка зрения развивается в работах К. Ф. Захаровой [Захарова 1959; 1961; 1971; 1977]. Имеются и попытки дать фонетическое объяснение Суджанскому типу яканья: «Поскольку Суджанский тип вокализма находится в зоне диссимилятивной зависимости гласных по ступеням подъема, то не исключено, что в эпоху его формирования в говорах этой территории непередние гласные были более высокими по подъему, чем передние, и граница между верхним и неверхним подъемами проходила между гласными типа [o] и гласными типа [e]» [Пожарская 1997: 49]. Такое объяснение вряд ли можно принять, так как даже в пределах одного подъема передние гласные всегда являются более высокими, чем задние: «Весь задний ряд (и его градации гласных по основным уровням подъема) расположен относительно ниже, чем средний, и, тем более, передний ряд» [Высотский 1967: 56].

(1.10). Типы диссимилятивного (в скобках — соответствующего ассимилятивно-диссимилятивного) яканья

Ударный гласный	и/у	б	ѣ	о	е	'о	а
Гласный 1-го предударного слога:							
донской	а	и	и	и	и	и	и
дмитриевский	а	а	и	и	и	и	и
архаический	а	а	а	и	и	и	и
суджанский (кидусовский)	а	а	и	а	и	и	и
мосальский (култуковский)	а	а	и	а	и	а	и
шигровский (новоселковский)	а	а	а	а	и	и	и
жиздринский	а	а	а	а	а	а	и

Выделены типы яканья, для которых существуют параллельные типы вокализма после твердых согласных⁹.

Так, например, формирование донской и жиздринской¹⁰ моделей вокализма обычно объясняется как следствие утраты различий между гласными среднего и верхне-среднего подъема. В этом случае возникает вопрос о времени этой утраты. Если совпадение б и о, є и е относится к эпохе до момента формирования яканья, то формирование донской модели описывается совершенно непротиворечиво (гласные б и є просто исключаются из рассмотрения), но для объяснения механизма формирования жиздринского яканья необходимо предположить либо совпадение б: и о, є: и е в (долгих) гласных средне-верхнего подъема, либо удлинение исходных кратких о и е при сокращении исходного долгого а; т. е. о е а: → о: е: а; оба эти предположения представляются в равной мере маловероятными.

Если же совпадение б и о, є и е относится к эпохе после момента формирования яканья (то есть донское и жиздринское яканье выводятся непосредственно из архаического)¹¹, то неясным остается вопрос о

⁹ Для типа яканья, параллельного донскому яканью, Л. Л. Касаткин и Р. Ф. Касаткина предложили название «прохоровское яканье» [Касаткина и др. 1999].

¹⁰ Жиздринское яканье в настоящее время является самой распространенной из диссимилятивных моделей вокализма; оно свойственно западным говорам южнорусского наречия.

¹¹ «Если принять предложенное объяснение Задонского и Обоянского типов яканья, то яканье Донского и Жиздринского типов надо считать вторичным или возникшим при других условиях. Что касается первого из них, то возникновение его можно отнести к той же эпохе, как и Обоянского, если предположить, что дифтонги... еще раньше сократились и совпали с о и е другого происхождения... Это предположение я не решаюсь выставлять как единственное возможное и считаю допустимым и другое

том, почему в этих говорах не сохранилась исходная реализация предударных гласных в зависимости от разных ударных гласных — ведь общеизвестно, что в современных говорах с архаическим аканьем часто фиксируется пятифонемный вокализм, но разная реакция гласного предударного слога на этимологические ё и е под ударением сохраняется: перед ударным [e] из ё произносится [a], а перед ударным [e] из е, ъ — [ъ] ([нав'ёс] — *навёс*, но [нъв'ёрхн'ъм] — *на вёрхнем*¹²).

Наконец, этой гипотезе противоречит тот факт, что донское и особенно часто жиздринское аканье-яканье фиксируются не только в пятифонемных, но и в семи- и шестифонемных современных говорах (таков, в частности, говор дер. Губарёво Семилукского района Воронежской области, в котором семифонемный ударный вокализм сосуществует с жиздринским аканьем и донским яканьем). Такие случаи отмечаются достаточно часто — ниже (см. 1.11) приводятся сведения о составе гласных фонем и типах предударного вокализма после твердых и после мягких согласных в некоторых южнорусских говорах по данным звучащей хрестоматии [Касаткина и др.: в печати].

(1.11)

Населенный пункт	состав гласных фонем	тип аканья	тип яканья
Смоленская обл., Руднянский р-н	а, о, е, ё, и, у	жиздринский	димитриевский
Калужская обл., Хвастовичский р-н, с. Бояновичи	а, о, е, ё, и, у	донской	
Белгородская обл., Алексеевский р-н, д. Афанасьевка	а, о, е, ё, и, у		суджанский
Липецкая обл., Елецкий р-н, д. Хитрово	а, о, е, и, у	архаический	

предположение — что о под восходящим ударением и ъ утратили дифтонгическое произношение и совпали с о и е другого происхождения значительно позднее эпохи возникновения аканья, и что это самое совпадение их с о и е другого происхождения и вызвало изменение бывшего ранее в этих говорах яканья Обоянского типа в яканье Донского типа. В таком случае замена предударного а через и перед слогом с о и е из бывших дифтонгов могла явиться только по аналогии со случаями, где было предударное и перед слогом с о и е другого происхождения» [Дурново 1918: 59—60]; «Причины образования яканья Жиздринского типа могли быть те же, что и яканья Суджанского и, м. б., Донского типов, т. е. утрата дифтонгического произношения о под восходящим ударением и ъ и совпадение их с о и е другого происхождения... Быть может, а сперва распространилось лишь на положении перед слогом с о из ъ, затем по аналогии с этими случаями на положении перед слогом с о из е и наконец — на остальные положения вследствие вытеснения редуцированной гласной из большинства случаев с положением перед слогом с гласными среднего подъема» [Дурново 1918: 61—62].

¹² См., например, [Захарова 1959; 1961].

Воронежская обл., Россошанский р-н, пос. Лебедь-Сергеевский	а, о, е, ё, и, у	жиздринский	архаический
Тамбовская обл., Староюрьевский р-н, д. Поповка	а, о, е, ё, и, у	жиздринский	ореховский
Ставропольский край, Левокумский р-н, ст. Левокумская	а, о, е, ё, и, у	жиздринский	кидусовский

То же относится и к рязанским говорам с ассимилятивно-диссимилятивным яканьем: «Обращает на себя внимание тот факт, что семифонемный состав ударенных гласных, которым характеризуются говоры северной, северо-восточной и юго-восточной окраины Рязанщины, ни в одном случае не сочетается с таким предударным вокализмом, который хотя бы указывал на бытую зависимость от характера ударенного вокализма: говоров, в которых ассимилятивность наслалась бы на архаический тип диссимилятивного яканья, в Рязанщине не отмечено совсем. Чаще всего при семифонемном составе ударенных гласных предударный вокализм характеризуется новоселковским яканьем (см. нас. пункты 327, 329, 331, 332, 335, 550, 564, 569, 581, 594, 605¹³), но есть говоры, где при семифонемном составе гласных отмечено кидусовское яканье (296, 297)» [Мораховская 1962: 99]¹⁴. Таким образом, непротиворечивое объяснение развития большинства диссимилятивных и ассимилятивно-диссимилятивных типов яканья-яканья невозможно ни исходя из первичности архаического яканья, ни исходя из гипотезы их параллельного развития путем, предложенным А. А. Шахматовым¹⁵. Тем самым, вряд ли можно согласиться с мнением о том, что анализ отношений между структурными типами яканья-яканья позволяет сделать вывод о первичности именно обоянской диссимилятивной модели, как полагали Р. И. Аванесов [Аванесов 1952: 39], а также К. В. Горшкова и Г. А. Хабургаев [Горшкова, Хабургаев 1997: 111]. По сути, системных аргументов в пользу такой точки зрения всего два: 1) этот тип безударного вокализма предсказывается концепцией А. А. Шахматова; 2) эта модель наиболее отчетливо отражает противопоставление гласных среднего и средне-верхнего подъема (однако из этого вовсе не следует, что все типы яканья-яканья развились именно из него). Этого явно недостаточно для того, чтобы принять подобную точку зрения.

¹³ Номера населенных пунктов по [Атлас 1957].

¹⁴ Отметим еще раз, что при новоселковском яканье предударный гласный одинаково реагирует на ударные [о] и [ө], а при кидусовском — и на ударные [е] и [ɛ].

¹⁵ На возможность того, что различные типы яканья могли возникнуть одновременно, указывал еще Р. О. Якобсон [Jacobson 1929], а на то, что исходным типом яканья, вероятнее всего, было яканье недиссимилятивное, — О. Б. Курило [1928] и Н. Ван Вейк [van Wijk 1934–1935].

Одно из приведенных выше соображений (см. п. 2) как будто бы может быть отведено на основании данных, полученных в последнее время. Так, К. В. Горшковой и Г. А. Хабургаевым было выдвинуто предположение о том, что раннее сокращение а: можно считать необязательным вследствие существования ассимилятивно-диссимилиятивных моделей аканья и яканья, которые не были известны А. А. Шахматову: «Современный диалектологический материал, указывающий на давность ассимилятивно-диссимилиятивных разновидностей и единство происхождения ассимилятивно-диссимилиятивного и собственно диссимилиятивного аканья-яканья, не требует такого предположения: достаточно считать, что окраинные говоры Деснинско-Сейменского междуречья в период осуществления первой стадии сокращения гласных могли в узком ареале сократить также и под ударением компактный гласный [а], в то время как остальные говоры, первоначально с ним связанные (по среднему течению Оки), продолжали сохранять этот гласный как долгий» [Горшкова, Хабургаев 1997: 118–119].

Однако и привлечение для анализа этих типов диссимилиятивного аканья-яканья не снимает всех вопросов: во-первых, все равно приходится постулировать сокращение [а:] в безударных слогах (т. к. иначе он не совпадает с рефлексами [е] и [о]) при отсутствии такого сокращения у безударных [и:] и [ү:]. Во-вторых, принцип ассимилятивности обычно накладывается на многие типы диссимилиятивного яканья, кроме как раз архаического, на анализе которого строится гипотеза А. А. Шахматова. В-третьих, в тех говорах, в которых предполагается наличие ассимилятивно-диссимилиятивного аканья на основе архаического [Касаткина, Щигель 1995], имеет место не только а-образный редуцированный¹⁶ в положении перед ударным [а], но и лабиализованные редуцированные в положении перед ударным [о], и упередненные редуцированные в положении перед ударным [е] [Касаткина, Щигель 1995] — таким образом диссимилияция (количественная) в этих говорах является системным фактом, фонологическим (лингвистическим) правилом, а ассимиляция (качественная) — поверхностным, фонетическим (коартикуляционным) явлением¹⁷ (в отличие от юго-восточных говоров с «настоящим» ассимилятивно-диссимилиятивным яканьем, где и ассимиляция ([ъ] → [а] перед [á]) уже фонологизирована и является лингвистическим правилом). Это обстоятельство позволяет характеризовать описанное Р. Ф. Касаткиной и Е. В. Щигель явление не как особую модель диссимилиятивного аканья, возникшую на базе системы с сохранением праславянских долгот, а как

¹⁶ О том, что это не «нормальное» [а], свидетельствует его «повышенное» образование и значительно меньшая длительность по сравнению с [а] в положении перед ударными гласными верхнего подъема [Касаткина, Щигель 1995:298].

¹⁷ Подробнее об этом см. [Князев 1999].

простой факт межслоговой вокальной ассимиляции, широко известной не только большинству русских говоров (ср., например, *в[о]дū* при *в[е]лá* в севернорусских говорах; подробно об этом см. [Касаткина 1996]), но и литературному языку (*и[ъ]утру*, *и[ъ]купáть*, *д[ъ]кумéнт*)¹⁸ [Пауфошима 1980]¹⁹. Наконец, в-четвертых, признание ассимилятивно-диссимилятивных моделей яканья наиболее древними заставляет отнести ареал первоначального возникновения яканья на восточную периферию территории его современного распространения, что противоречит мнению о том, что первоначально яканье возникло в самом центре этой территории [Хабургаев 1980: 142–145; Горшкова, Хабургаев 1997].

Принципиально иной взгляд на механизм формирования яканья предложен Олафом Броком²⁰. В своей работе «Говоры к западу от Моральска» он писал: «Мена *зъхá* : *saxú*, *s'istrá* : *s'astrú*, по-видимому, связана сначала с отношениями долготы в ударяемом и предшествующих слогах... Можно предположить, что появление *á* : *a* зависело сначала от долготы следующего, ударяемого гласного... С первоначальными количественными отношениями общеславянской и общерусской эпох эти ударяемые долготы : краткости не имеют, по-видимому, никакой прямой связи. Они выросли, напротив, по исчезновении старших, этимологических количественных отношений. За то обзор говоров, интересующих нас в данном вопросе, который показывает, что ударяемому *a* правильно предшествует *ъ*, т. е. краткость, ударяемым же *i*, *u*, т. е. гласным высокого образования, так же правильно предшествует *a*, т. е. долгота. Заключаю из этого, что речь идет о количестве «натурой»; *á* было натурой «долгим», *i* и пр. натурой «краткими» гласными. Можно предположить, что такая разница зависит от того признакового явления, что при обстоятельствах, в остальном тождественных, гласный вообще тем длиннее, чем его образование шире» [Брок 1916: 57–59].

¹⁸ Отметим, что именно редуцированные гласные в наибольшей степени подвержены ассимилятивным изменениям; знаком [ъ] обозначается лабиализованный редуцированный гласный.

¹⁹ Кроме уже приведенных примеров обратим внимание на то, что в современном русском литературном языке даже начальный вокалический элемент согласного [р] в положении перед разными ударными гласными (*рак*, *рок*, *Рек*, *рык*, *рук*) имеет спектральные характеристики, близкие этим гласным; по-видимому, в русском (как и любом другом) языке любой гласный типа [ъ] подвергается ассимиляции со стороны последующего нередуцированного гласного. Таким образом, дело заключается не в том, что в описанных Р. Ф. Касаткиной и Е. В. Щигель говорах присутствует какой-то особый ассимилятивно-диссимилятивный тип яканья, а в том, что при этом типе диссимилятивного яканья [ъ] может находиться перед ударными гласными среднего и нижнего подъема.

²⁰ О. Брок во время написания своей работы еще не был знаком с книгой А. А. Шаматова «Очерк древнейшего периода истории русского языка», где наиболее полно изложена концепция А. А. Шаматова [Брок 1916: 61].

С точки зрения современных фонетических знаний это допущение представляется совершенно обоснованным. Так, в среднем, при прочих равных условиях, в современном русском литературном языке (далее — СРЛЯ) собственная длительность гласных верхнего подъема ([и], [ы], [ү]) составляет около 75%, а длительность гласных среднего подъема ([е], [օ]) — около 90% от длительности гласного нижнего подъема [а] [Кузнецов, Отт 1989: 68].

Таким образом, можно считать, что распределение длительностей гласных в фонетической системе древнерусского языка в эпоху возникновения аканья было прямо противоположным тому, которое постулируется А. А. Шахматовым, т. е. самым долгим был широкий гласный [а], самыми краткими узкие гласные [и], [ы] и [ү], а [е], [օ], [ɛ] и [օ] занимали промежуточное положение, причем гласные среднего подъема были несколько более долгими, чем гласные средне-верхнего подъема.

Основываясь на гипотезе О. Брука, можно предположить далее, что механизм возникновения аканья был гораздо более простым и не-противоречивым, чем это допускается в соответствии с концепцией А. А. Шахматова: «Эта гипотеза гораздо убедительнее объясняет происхождение диссимилятивного аканья, чем гипотеза А. А. Шахматова, поддержанная Н. Н. Дурново и основанная на праславянских долготных отношениях гласных. К моменту образования аканья эти отношения должны были измениться, тогда как отношения, на которые опирался О. Брук, реально существовали и существуют до сих пор» [Касаткин 1998]. Впрочем, в работе О. Брука нет никаких указаний на то, что он считал первичным именно диссимилятивное аканье, более того, его гипотеза — в отличие от концепции А. А. Шахматова — не требует этого допущения в обязательном порядке. Наоборот, гипотеза О. Брука позволяет объяснить не только и даже не столько происхождение диссимилятивного аканья, сколько — и в первую очередь — аканья недиссимилятивного (включая сюда также сильное яканье и иканье) как системы вокализма, возникшей раньше более сложного диссимилятивного и уж тем более — ассимилятивно-диссимилятивного аканья-яканья — именно эта точка зрения представляется более адекватной из системных соображений²¹ (как будет показано ниже, различные дисси-

²¹ Ср. сходную точку зрения в [van Wijk 1934–1935]. Н. Ван-Вейк считал, что первоначальным типом аканья было аканье недиссимилятивное, на базе которого сформировались умеренное яканье и диссимилятивное аканье-яканье. При этом, по мнению Н. Ван-Вейка, все типы диссимилятивного вокализма сложились на основе первичной жиздринской модели, а степень, на которой все безударные гласные не-верхнего подъема в первом предударном слоге нейтрализовались в редуцированном гласном [ъ] ([Ӯ]), отсутствовала. Эта точка зрения нами не разделяется, в первую очередь потому, что вывод разнообразных типов диссимилятивного яканья из жиздринской модели столь же затруднителен, сколь и из обоянской, а изменение [ɛ], [е], [օ] непосредственно в [а] представляется необъяснимым с чисто фонетической точки зрения.

милятивные модели достаточно просто и непротиворечиво выводятся именно из недиссимилятивной модели). При этом данная гипотеза позволяет не только отнести возникновение аканья к эпохе после падения редуцированных, но и рассматривать его как непосредственное следствие или продолжение той же самой тенденции — редукции кратких гласных в положении перед последующим долгим. Другим ее существенным достоинством является тот факт, что она позволяет предложить чисто фонетическое (не связанное с явлениями аналогии) объяснение формирования разнообразных моделей диссимилятивного аканья-яканья.

Итак, можно предположить, что в процессе формирования количественно-динамического ударения все ударные гласные определенным образом (в первую очередь, по длительности) оказались противопоставленными гласным безударных слогов. Их удлинение вело к сокращению безударных гласных и редукции их до степени [ъ] ([ѓъ])²², в особенности тех гласных, которые находились перед ударными²³ — точно так же, как сокращались сверхкраткие ъ и ь в позиции перед гласными полного образования в эпоху падения редуцированных²⁴. При этом сокращению обычно подвергались все гласные, кроме самых кратких, каковыми являлись гласные верхнего подъема (и, ы и у)²⁵.

²² «Я рассматриваю качественные изменения вокализма безударных слогов скорее как прямое следствие утраты количества и развития экспираторного ударения. Подобные изменения очень часто наблюдаются в языках с сильным экспираторным ударением и без свободных количественных различий на индоевропейской почве» [Грубецкой 1987: 161].

²³ «С фонетической точки зрения редукция безударных гласных при таком ударении относится к явлениям такого же типа, как заменительное удлинение гласных, сокращение и синкопирование гласных при удлинении гласных следующего слога и т. п. Слово в потоке речи представляет собой некоторую структуру, имеющую тенденцию сохранения своего облика (колебания наблюдаются лишь в известных пределах) как по длительности, так и по сумме затрачиваемой произносительной энергии» [Кузнецов 1964: 34].

²⁴ Сокращение гласных первого предударного слога могло вести к удлинению гласных в позиции перед сократившимся гласным ([ѓальvá]), что отмечается в современных говорах с диссимилятивным аканьем и что было характерно для кратких гласных в положении перед павшими редуцированными.

²⁵ «Гласные высокие, i и u, сохранились... Гласные же со средним и низким положением языка распались на две группы, в зависимости от положения после твердого или мягкого согласного. Нужно предположить, что разные гласные внутри каждой из этих групп все сливались в свое время в предударном слоге в одну и ту же «редуцированную» гласную артикуляцию, после твердого согласного в задний, а после мягкого согласного в передний «иррациональный» оттенок — т. е. в какие-то «ъ» и «ь», представлявшие относительные гласные положения безразличности. Первонаучальная разница между гласными внутри этих групп (a, o — 'e, 'ɛ, 'a, 'o) таким образом исчезла совсем; зато развилась новая разница внутри каждой группы, но уже в зависимости от гласного следующего, ударяемого слога... в зависимости от коли-

предударный слог		
и → и	ы → ы	у → у
ě → ъ		
e → ъ		о → ъ\ъ
	a → ъ\ъ	

Таким образом сформировался наиболее архаичный тип аканья — недиссимиллятивное аканье в широком смысле — с нейтрализацией фонем неверхнего подъема в звуках типа [ы] после твердых согласных и типа [ъ] или краткого [и] после мягких. Этот тип аканья является довольно распространенным²⁶ на территории России — он соответствует произношению значительной части носителей русского литературного языка, проживающих на юге и востоке современной Российской Федерации.

Особые отношения между гласными ударного и первого предударного слогов (в частности, зависимость длительности предударного гласного от длительности ударного, а также типичная для русского языка реализация одного фразового акцента на двух этих слогах акцентированного слова²⁷) могли способствовать формированию так называемого «просодического ядра» слова (термин предложен С. В. Код-

чества его» [Брок 1916: 26]. Можно предположить, что краткие гласные не сокращались, т. к. их сокращение могло привести к полной утрате гласного; кроме того, [у] в силу его значительной лабиализации вообще редуцируется крайне редко. Впрочем, в части говоров с диссимиллятивным аканьем нелабиализованные гласные верхнего подъема ведут себя так же, как и остальные безударные гласные, т. е. нейтрализуются с ними: «Старое у (ы) отмечено в предударном слоге... нередко как переходное к ъ или как несомненное ъ (о), переходившее иногда под влиянием соседнего гласного далее в и: *bъlá, slъxál, пъ'r'áł', гауъzálъ...* Все это оставляет вне сомнения, что мы стоим перед распространением на ряд случаев с у в предударном слоге того принципа, который видим при старших о-а в том же слоге: *tъwá (trowá)-trawí* и под.» [Брок 1916: 61–62].

²⁶ В произношении большинства современных носителей московского варианта СРЛЯ (особенно — младшей орфоэпической нормы) сейчас в первом предударном слоге после твердых согласных фиксируется гласный [а], практически не отличающийся качественно от соответствующего ударного гласного (по крайней мере, в случае отсутствия фразового акцента на данном слове [Князев 1998]). Однако еще недавно единственно допустимым считалось произношение в этой позиции звука [ʌ] (точнее [a⁴]), т. е. гласного более закрытого, чем [а], среднего между [а] и [ъ]). Можно предположить, что еще раньше этот гласный был еще более закрытым, т. е. [ъ]-образным, тогда история его изменения может быть описана как последовательное понижение подъема: [ы] → [а⁴] → [а].

²⁷ «Типичная форма интонации такая, что слог перед ударяемым имеет высокий тон, между тем как ударяемый слог выговаривается на значительный интервал ниже» [Брок 1916: 8].

засовым), объединяющего ударный и первый предударный слоги²⁸; эти слоги отчетливо противопоставлены всем другим слогам слова по целому ряду фонетических параметров (в первую очередь, по длительности и спектральному составу гласных) преимущественно в акающих русских говорах²⁹, что создает типологически крайне редкую ритмическую схему слова³⁰, описанную еще А. А. Потебней³¹.

²⁸ «<Russian> word consists of a heavy nucleus (stressed and prestress syllables) and light marginal parts» [Kodzasov 1999]. В целом, проблема формирования просодического ядра слова (причины и механизм этого явления) представляет собой, пожалуй, наиболее сложную, но и наиболее существенную проблему, связанную с историей аканья. Попытка ее решения предпринята С. В. Кодзасовым [Кодзасов, в печати]. С. В. Кодзасов связывает это явление с присутствием в словах русского языка, относящихся к акцентной парадигме В, фонационных переломов на стыках слогов (преимущественно корневых и аффиксальных): «Two prosodic features of the stems govern stress location in the words. The first one is [+/-AA]: presence/absence of Articulatory Accent... The second feature is [+/-LSSh]: presence/absence of Laryngeal Setting Shift» [Kodzasov 1999:854]. Наличие таких переломов маркируется одновременным усилением слогов, находящихся как слева, так и справа от фонационного сдвига. По общему правилу русской ритмики (из двух сильных слогов второй всегда является более сильным) ударным с системной точки зрения является слог, находящийся после перелома.

²⁹ Особое — промежуточное — положение среди говоров русского языка занимают говоры Владимирско-Поволжской группы, совмещающие наличие просодического ядра слова с оканьем. Результатом такого совмещения является неполное оканье: безударные гласные неверхнего подъема различаются в этих системах только в первом предударном (сильном) слоге, нейтрализуясь в других (слабых) слогах. Подробнее о соотношении по длительности ударного и безударных слогов в разных русских говорах см. [Высотский 1973].

³⁰ Гораздо более распространенной в европейских языках является ритмическая схема слова с чередованием сильных и слабых слогов; в этом случае первый предударный гласный наряду с первым заударным является самым слабым из безударных: «Существенно обратить внимание на своеобразный характер структурной модели фонетического слова в основной массе русских акающих говоров... Наиболее сильным является гласный ударного слога, второе место занимает гласный первого предударного слога, третью — гласные остальных безударных слогов... Эта модель отступает как от модели соседних финно-угорских языков (правда не все последние в этом отношении изучены, но большинство прибалтийских финских дает чередование по силе четных и нечетных слогов), так и от предполагаемой модели далекого предка не только восточнославянских наречий, но и славянской группы в целом. В общеиндоевропейской системе определенного периода, по-видимому, одним из наиболее слабых был первый предударный слог» [Кузнецов 1964: 34–35]. В ряде работ высказывалось предположение о сохранении волнообразного просодического контура (с усилением слогов через один от ударного) в севернорусских диалектах [Альмухamedова, Кульшарипова 1980: 47], [Пауфошима 1983: 66]. Впрочем, возможно, в этих говорах усиление безударных слогов не имеет волнообразного характера, а характеризует только начальный и конечный гласные — основные акцентогенные зоны русского слова — вне зависимости от их положения по отношению к ударению [Князев, Урбанович, в печати].

³¹ «Слог третий от ударяемого слабее второго, предшествующего ударяемому, и равен слогу, следующему за ударяемым. Если тоническую силу ударяемого слога обозначить через 3, то отношения других слогов к ударяемому в четырехсложном слове можно будет изобразить так: 1, 2, 3, 1» [Потебня 1865: 62]. При этом сам А. А. Потебня, по-видимому, имел в виду только различия гласных по интенсивности и тем-

В большинстве же севернорусских говоров с полным оканьем первый предударный слог не входит в просодическое ядро слова, там ударный гласный в равной мере противопоставлен всем безударным или не противопоставлен им вовсё³² [Альмухамедова, Кульшарипова 1980], [Пауфошима 1983], [Князев, Левина, Пожарицкая 1997]³³.

В части говоров (акающих!), сформировавших просодическое ядро слова, отношения между ударным и первым предударным слогами далее не развиваются, что дает современное недиссимилятивное (сильное) аканье с нейтрализацией предударных гласных неверхнего подъёма в звуке типа [ъ] после твердых согласных и эканье с нейтрализацией тех же гласных в [ы] или близком ему по спектральным характеристикам безударном ненапряженном [и] (или [из]) после мягких согласных (а в части говоров — иканье):

(2.2)

предударный гласный на месте ё, е, о, а		ударный гласный
после С	после С'	
ъ	ь (→ и)	и, ы, у
ъ	ь (→ и)	ё, ô
ъ	ь (→ и)	е, о
ъ	ь (→ и)	а

бру: «В данной работе А. А. Потебни... четко названы лишь два компонента ф. слова: в его структуре отмечены градации слоговых гласных по отношению к их силе и тембру... Впоследствии... стихийно и вполне правомерно был привлечен еще один компонент ф. слова — длительность гласных» [Высотский 1973:27]. Современные исследования показывают, что длительность первого предударного гласного в большинстве русских говоров и литературном языке сопоставима с длительностью ударного. На это, впрочем, указывал еще О. Брок: «Гласные в слоге предударном заметно удлиняются, достигая, по моим наблюдениям, приблизительно, долготы гласного ударяемого слога, если не превышают ее» [Брок 1916: 9]. Он же предложил более точную формулу ритмической организации фонетического слова в русском языке — 62165(4) (где 1 — самый полновесный (ударный) слог, 2 — первый предударный и т. д.) [Брок 1916: 11].

³² Об этом же может свидетельствовать и тот факт, что в севернорусских говорах именно гласный первого предударного слога в наибольшей степени подвержен межслоговой вокальной ассимиляции, которая распространяется обычно на наиболее слабые гласные (в южнорусских говорах — в первую очередь на гласные второго предударного и первого заударного слогов) [Касаткина 1996].

³³ С. С. Высотский, впрочем, считал, что «двуступенчатость ритмической структуры ф. слова в отношении длительности ее сегментов» выражена во всех русских говорах, хоть и в разной — часто ничтожно малой — степени: «Тип VIII — резко противоположный предыдущим тип по реализации двухступенчатости. Последняя выражена очень слабо... Все три гласные (ударный, первый и второй предударные — С. К.) хотя и слабо, но в принципе различаются по длительности. Особенно мало контрастируют по длительности гласные I и II предударных слогов (соответственно 57% и 51% от длительности ударного — С. К.)... Встречается в северной и северовосточной зоне с<еверно>-р<усских> говоров» [Высотский 1973:36].

В другой части этих говоров в результате формирования просодического ядра происходит удлинение редуцированного гласного первого предударного слога, что приводит к понижению его подъема сначала до средне-нижнего, т. е. до степени [л] (точнее [a^h]), а затем (например, в современном московском произношении) и до обычного [a]. Этот тип аканья фиксируется преимущественно в тех говорах, где контраст между гласными первого предударного слога и другими безударными гласными выражен наиболее ярко³⁴ — в восточных акающих и в псковских говорах (о наличии в псковских диалектах подобной ритмической модели см. [Чекмонас 1998]):

(2.3)

предударный гласный на месте ё, е, о, а		ударный гласный
после С	после С'	
ъ → а	ь → а	и, ы, у
ъ → а	ь → а	ё, ő
ъ → а	ь → а	е, о
ъ → а	ь → а	а

В московском варианте литературного языка впоследствии произошло совмещение вокализма после твердых согласных системы (2.3) и после мягких — системы (2.2):

(2.4)

предударный гласный на месте ё, е, о, а		ударный гласный
после С	после С'	
ъ → а	ь → и	и, ы, у
ъ → а	ь → и	ё, ő
ъ → а	ь → и	е, о
ъ → а	ь → и	а

Наконец, в говорах третьего типа гласные первого предударного и других безударных слогов противопоставлены не так ярко³⁵. При этом отношения между гласными просодического ядра слова оказываются в этих системах наиболее тесными — в том смысле, что в них наличие или отсутствие удлинения редуцированного гласного первого предударного слога зависит от собственной длительности ударного гласного: в положении перед самым долгим из гласных ([а]) удли-

³⁴ Гласный первого предударного слога в этой системе по длительности практически равен ударному или слегка превосходит его, а длительность гласного второго предударного слога составляет лишь 10–16% от длительности ударного.

³⁵ Длительность гласного первого предударного слога в этих говорах составляет лишь 60–90%, а гласного второго предударного слога — 35–55% от длительности ударного.

нения не происходит (сохраняется [ъ]), в позиции перед самыми краткими из ударных гласных (гласными верхнего подъема [и], [ы], [у]) предударный [ъ] удлиняется и переходит в [а], а промежуточные ударные гласные среднего подъема (и средне-верхнего при их наличии) могут вести себя в этом отношении либо как нижние, либо как верхние гласные³⁶. Так формируются наиболее простые типы диссимилятивного аканья — архаическое, жиздринское, донское (при том, что в положении после мягкого согласного редуцированный гласный [ъ] изменяется в очень близкий ему по спектральным характеристикам безударный краткий ненапряженный [и] перед долгими и в долгий [а] перед краткими). Интересно при этом, что в диссимилятивных моделях после мягких согласных [и], противопоставленный [а], оказывается возможным в тех положениях, где после твердых согласных не встречается противопоставленный тому же [а] редуцированный [ъ] — например, перед гласными верхне-среднего подъема (донское яканье) — по-видимому, именно вследствие того, что он является несколько более долгим, чем [ъ], что еще раз подтверждает наличие компенсаторных отношений по длительности между гласными просодического ядра слова в говорах с диссимилятивным аканьем-яканьем³⁷.

(2.5.1) Архаическое аканье обоянского типа

предударный гласный на месте ё, е, о, а		ударный гласный
после С	после С'	
(ъ →) а	(ъ →) а	и, ы, у
(ъ →) а	(ъ →) а	ё, ô
ъ	ъ (→ и)	е, о
ы	ъ (→ и)	а

³⁶ Нельзя, впрочем, исключать и такой возможности, что количественная диссимиляция гласных и нейтрализация в безударных слогах гласных неверхнего подъема сформировались одновременно, и редуцированный в положении перед ударным [а] был изначально более кратким, чем в положении перед более узкими (и более краткими) гласными [Jacobson 1929], [Чекмонас 1987]. Тогда следует предположить, что в говорах первых двух типов это различие позднее нейтрализовалось (или сохранилось лишь в виде количественного), а в говорах третьего типа преобразовалось в качественное.

³⁷ Необходимо отметить, что и в части говоров с сильным (недиссимилятивным) аканьем (как русских, так и украинских и белорусских) сохраняются следы количественной диссимиляции между гласными просодического ядра: гласный [а] предударного слога в этих говорах существенно короче в положении перед ударным [а], чем в позиции перед ударными гласными верхнего подъема [Курило 1924; Белая 1974; Войтович 1972б, 1973; Бурова, Касаткин 1977; Чекмонас 1987; Касаткина, Щигель 1996].

В. Н. Чекмонасом было высказано предположение о том, что такие отношения между гласными просодического ядра могут быть свойственны всем системам с недиссимилятивным аканьем, включая русский литературный язык [Чекмонас 1987: 337]; в этом направлении необходимы тщательные исследования.

(2.5.2) Архаическое аканье задонского типа

предударный гласный на месте ё, е, о, а		ударный гласный
после С	после С'	
(ъ →) а	(ъ →) а	и, ы, у
(ъ →) а	(ъ →) а	ё, ô
ъ	ъ (→ е)	е, о
ъ	ъ (→ е)	а

Наличие [а] в предударном слоге перед ударными гласными из ё, ô в архаическом типе аканья при [ъ] перед гласными из е, о отнюдь не противоречит излагаемой теории, так как дифтонги, вопреки довольно часто встречающемуся мнению, не обязательно превышают по длительности соответствующие монофтонги, наоборот, именно монофтонги — если они являются более открытыми (широкими) гласными — должны быть, в соответствии с общей закономерностью, более долгими: «В диалектологической литературе встречаются, по-видимому, не совсем точные указания на якобы конститутивный признак дифтонгов — их большую длительность по сравнению со всеми монофтонгами... Дифтонги русских диалектов в натуральной речи действительно представляются несколько продленными... Вместе с тем, статистическое обследование достаточно больших отрывков магнитофонной записи живой диалектной речи показало, что длительность [yo], [ie]... практически не отличается от длительности [o], [e] в таких же фразовых условиях, в противоположность гласному [a], длительность которого остается превалирующей» [Высотский 1967: 17].

Кроме того, дифтонги на месте <ё> и <ô> в ряде случаев ведут себя не как особые гласные, а как сочетания глайда (неслогового гласного, т. е. гласного, не входящего в слоговое ядро) с соответствующим (в этом случае совсем кратким) гласным среднего или средне-верхнего подъема: «Инструментальный анализ дифтонгов, принадлежащих различным русским говорам, показывает, что они все, по терминологии Л. В. Щербы, принадлежат категории не истинных, а ложных дифтонгов. Их силовая вершина сосредоточена ближе к концу или началу гласного образования, так что один из двух основных тембральных компонентов сложного гласного всегда преобладает по силе, что обычно сопровождается и преобладанием его по длительности (последняя составляет 60–85% длительности всего дифтонга)... Под влиянием некоторых ритмико-интонационных условий фразы данные дифтонги могут представлять промежуточные формы, напоминающие истинные дифтонги с их равноправными компонентами. Последняя форма сложных гласных в русских диалектах не за-

креплена и встречается в них как случайное образование речи» [Высотский 1967: 56].

Наконец, чаще всего в говорах с шести- и семифонемным вокализмом дифтонги и монофтонги сосуществуют в качестве реализаций гласных фонем средне-верхнего подъема: в сильной фразовой позиции обычно произносится дифтонг, в слабой — монофтонг: «Здесь образуется закономерная просодическая вариация фонемы как функция определенных ритмико-интонационных условий фразы» [Высотский 1967: 15].

В говорах с жиздринским аканьем в качестве долгого функционирует ударный [a], а в говорах с донским типом вокализма — все гласные неверхнего подъема:

(2.6) Жиздринское аканье

предударный гласный на месте ё, е, о, а		ударный гласный
после С	после С'	
(ъ →) а	(ъ →) а	и, ы, у
(ъ →) а	(ъ →) а	ё, ô
(ъ →) а	(ъ →) а	е, о
ъ	ъ (→ и)	а

(2.7) Донское аканье

предударный гласный на месте ё, е, о, а		ударный гласный
после С	после С'	
(ъ →) а	(ъ →) а	и, ы, у
ъ	(ъ →) и	ё, ô
ъ	(ъ →) и	е, о
ъ	(ъ →) и	а

Особых замечаний требуют суджанский, мосальский, дмитриевский и щигровский типы диссимиллятивного яканья. Для дмитриевского типа принято предполагать раннее совпадение <ё> и <е> при сохранении различия <ô> и <о> [Хабургаев 1975]:

(2.8) Дмитриевское яканье

предударный гласный на месте ё, ô, е, о, а		ударный гласный
	после С'	
	(ъ →) а	и, ы, у
	(ъ →) а	ô
	ъ (→ и)	е, о
	ъ (→ и)	а

В яканье суджанского и мосальского типов³⁸ как долгие были обобщены все ударные нелабиализованные гласные неверхнего подъема, а в яканье щигровского типа — только нелабиализованные гласные среднего и нижнего подъема:

(2.9) Суджанское яканье

предударный гласный на месте ё, е, о, а	ударный гласный
после С'	
(ь →) а	и, ы, у
(ь →) а	ö, о
ь (→ и)	ё, е
ь (→ и)	а

(2.10) Мосальское яканье

предударный гласный на месте ё, е, о, а	ударный гласный
после С'	
(ь →) а	и, ы, у
(ь →) а	ö, о, 'о
ь (→ и)	ё, е
ь (→ и)	а

(2.11) Щигровское яканье

предударный гласный на месте ё, е, о, а	ударный гласный
после С'	
(ь →) а	и, ы, у
(ь →) а	ö, о, ё
ь (→ и)	е
ь (→ и)	а

Различия в реализации гласных фонем неверхнего подъема в положении перед ударными гласными одного и того же подъема, присущие дмитриевскому, суджанскому и щигровскому типам диссимиля-

³⁸ Различия между ними могут объясняться 1) разной относительной хронологией перехода [e] → [ö] и формирования типа яканья: образование суджанской модели могло происходить до этого перехода, а мосальского — после; 2) тем, что мосальское яканье — это разновидность суджанского типа, в которой после перехода [e] → [ö] это новое [ö] объединяется с [o] (из о, ѿ) в результате аналогии.

тивного яканья (во всех этих моделях [и] произносится перед ударным гласным, находящимся в положении после мягкого согласного, а [а] — в позиции перед ударным гласным того же подъема, находящимся в положении после твердого; см. 2.12) могут быть объяснены тем, что собственная длительность ударных гласных в положении после мягких согласных несколько больше длительности гласных в позиции после твердых — вследствие наличия при их произнесении [и]-образного переходного участка: «Гласные заметно длительнее после мягких, чем после твердых³⁹. Объяснение этого явления очевидно: гласные после мягких согласных начинаются среднеязычными «переходными звуками» типа *i-e*, которые являются, по-видимому, существенным моментом для акустического восприятия мягкости согласного перед гласными. Для правильности этого восприятия среднеязычный элемент должен быть, по-видимому, настолько длителен, что при нормальной длительности всего гласного⁴⁰ он затруднял бы правильное восприятие качества самого гласного, результатом чего и является его удлинение» [Щерба 1912: 135].

(2.12)

предударный гласный	[и]	[а]
дмитриевский	перед гласным из ё	перед гласным из ô
суджанский	перед [e], [o]	перед [o] ⁴¹
щигровский	перед [e], [o]	перед [o]

В истории славянских языков сходные явления наблюдались уже не раз. Так, в различных славянских диалектах интерпретация гласного как долгого или краткого могла зависеть не только от различий в собственной длительности гласного, но даже и от различий в длительности гласного в зависимости от типа следующего согласного (например, в положении перед глухим согласным длительность гласного при прочих равных условиях составляет в разных языках 75–90% от его длительности перед соответствующим звонким). Так, наличие или отсутствие компенсаторного удлинения гласного полного

³⁹ По данным Л. В. Щербы длительность ударного гласного в положении после мягкого согласного составляет около 115% от его длительности после твердого (для позиции перед глухим смычным согласным).

⁴⁰ То есть, длительности, равной длительности того же звука в положении после твердого согласного.

⁴¹ Однако при мосальском яканье предударное [и] произносится в положении перед ударным среднего подъема [e], а [а] — как перед [o], так и перед [o]; именно этот факт как раз и является свидетельством в пользу гипотезы об аналогическом возникновении крайне редко встречающегося мосальского яканья на основе суджанской модели.

образования в результате падения слабого редуцированного следующего слога в ряде славянских диалектов зависело от длительности находящегося между ними согласного и, соответственно, гласного полного образования — чем короче был следующий согласный, тем дольше фонетически был гласный, тем в большей степени он был склонен к переходу в класс долгих [Timberlake 1983:300]. Длительность согласных увеличивается в соответствии со следующей шкалой: сонорные — звонкие шумные — глухие шумные (при этом иногда еще имеет значение и способ образования — фрикативные оцениваются как менее долгие по сравнению со взрывными). Чрезвычайно существенным при этом представляется то, что разные языки проводят границу между долгими и краткими гласными в разных местах этой шкалы — ситуация, удивительно напоминающая ситуацию формирования многообразных типов русского диссимилятивного яканья в зависимости от того, какой из гласных оценивается как долгий, а какой — как краткий на шкале градуального увеличения длительности с понижением подъема гласного. Так, по данным Алана Тимберлейка [Timberlake 1983: 300], компенсаторное удлинение гласного полного образования в результате падения слабого редуцированного следующего слога при прочих равных условиях в северных чакавских диалектах сербско-хорватского языка происходит только в положении перед сонорным, в польском и южных чакавских диалектах сербско-хорватского — перед сонорным и звонким шумным, в украинском — перед сонорным, звонким шумным и глухим шумным и т. п.

Таким образом, все разнообразие диссимилятивных моделей вокализма связано, в первую очередь, с тем, к какому классу относятся гласные неверхнего и ненижнего подъема — к классу долгих или кратких гласных (при том, что гласные верхнего подъема всегда функционируют как краткие, а гласный нижнего подъема — как долгий).

Изложенная здесь гипотеза позволяет не только предложить чисто фонетическое объяснение возникновения различных типов диссимилятивного яканья-яканья (причем единое для всех этих типов); она позволяет отказаться и от представления о том, что причиной их возникновения была утрата противопоставления между гласными среднего и верхне-среднего подъема, а это, в свою очередь, позволяет объяснить наличие семифонемного ударного вокализма в говорах с жиздринской, донской, суджанской и другими предударными моделями. Таким образом, становится необязательным предполагать для говоров с дмитриевским яканьем шестифонемной системы ударного вокализма с <δ>, но без <ɛ>, тем более что «существование систем вокализма только с одной фонемой /ω/, по-видимому, не подтверждается, поскольку сведения о наличии в говоре /ω/ при отсутствии /β/ можно

пока почерпнуть лишь из недостаточно обстоятельных материалов» [Высотский 1967: 15].

Как уже отмечалось выше, возникновение умеренного яканья⁴² принято объяснить насложением недиссимилятивного яканья-яканья на окающую модель владимиро-поволжского типа. Эта концепция, предложенная Е. Будде [Будде 1896], получила развитие в работах В. Н. Сидорова [Сидоров 1951; 1966].

Как полагал Е. Будде, а вслед за ним и В. Н. Сидоров, современные диалекты с умеренным яканьем (по крайней мере, та их часть, которая расположена на границе с окающими владимиро-поволжскими говорами) были изначально севернорусскими⁴³ говорами с произношением [o] перед твердыми согласными и [e] перед мягкими на месте как *e и *ъ, так и *ѣ (т. е. н[о]су, в[о]лá и в л[о]су, р[о]ка при н[е]сú, р[е]жкý). Под влиянием акающей модели, в которой безударное [o] отсутствует, в этих диалектах стали произносить [a] на месте любого [o], в том числе и после мягких согласных (а также [и] на месте [e]): т. е. н[а]су, в[а]лá и в л[а]су, р[а]жкá при н[и]сú, р[и]жкý. «В результате образовался говор, представляющий собой по существу акающий слепок, отлитый по окающей модели» [Сидоров 1966: 105]. Однако такая система еще не есть умеренное яканье, так как во владимиро-поволжских говорах этого типа (в отличие от северовосточных — Костромских, Вологодских, Архангельских) на месте предударного <a> произносится [a] как перед твердым, так и перед мягким согласным (н[а]так, н[а]ти), а в говорах с умеренным яканьем в словах типа *пряди*, *пяти*, *в грязи*, *глядят* предударная <a> реализуется звуком [и] ([п'ит'i]). Этот факт (как и разнообразные диссимилятивные модели, см. выше) приходится объяснять аналогическим выравниванием: «В результате замещения предударного [e] (из старых e и ъ) гласною [и] эта последняя в положении между мягкими согласными получила огромное численное преобладание над относительно редкой здесь гласной [а]. Это, по всей вероятности, и послужило причиной постепенного вытеснения редкого звука [а] наиболее частым и привычным в данном положении звуком [и]. Иными словами, система современного умеренного яканья образовалась в результате обобщения гласной [и] между мяг-

⁴² Как известно, принцип умеренного яканья состоит в том, что в первом предударном слоге после мягких согласных на месте гласных фонем неверхнего подъема перед твердыми согласными произносится [a], а перед мягкими — [и] ([и] произносится также и перед группой согласных, последний из которых является мягким — например, н[икл']и, в в[идр']ѣ, з[имл']я, с[истр']ёнка — это, по-видимому, объясняется тем, что согласные, находящиеся перед мягким, являются хотя и не палатализованными, но полумягкими [Дурново 1903] или просто нейтральными (невеляризованными) [Сидоров 1966: 139]).

⁴³ В современной лингвогеографии их принято относить не к севернорусскому наречию, а к среднерусским говорам [Захарова, Орлова 1970].

кими согласными, поскольку в говорах с первичным умеренным яканьем гласная [а] произносилась в предударном слоге между мягкими согласными только в соответствии с этимологическим [а], во всех же прочих случаях произносилось [и]» [Сидоров 1966: 108].

Другим слабым местом предложенной интерпретации умеренно-го яканья как наслоения недиссимилятивного аканья-яканья на окаю-щую модель именно владимиро-поволжского типа является тот факт, что говоры с последовательным произношением безударного [о] на месте ё встречаются достаточно редко (по сравнению с умеренно якающими говорами), при этом реализация ё как [о] в значительной степени лексикализована⁴⁴, умеренное же яканье распространено на довольно широкой территории, включая говоры Московской и Тульской областей, не связанные с владимиро-поволжскими говорами географически⁴⁵. Впрочем, даже и в восточной части территории рас-пространения умеренно-якающих диалектов «говоры с различием гласных влад.-поволж. типа нигде (кроме небольшого пространства около Касимова) непосредственно не граничат с умеренным яканьем» [Образование... 1970: 342]. Кроме того, «современные процессы пере-хода от вокализма с различием гласных к вокализму с неразличе-нием этих же гласных не ведут к формированию умеренного яканья... От вокализма с различием гласных влад.-поволж. типа обычно наблюдается переход к еканью и иканью» [Образование... 1970: 342]. Поэтому, возможно, логичнее было бы предположить, что умеренное яканье является просто результатом действия в говоре с сильным аканьем-яканьем тенденции к зависимости качества предударного гласного (в том числе и реализаций <а>) от твердости/мягкости по-следующего согласного, а не наложением аканья на какую-то определенную модель окающегося вокализма после мягких согласных (хотя в говорах, соседних с владимиро-поволжскими, развитие умеренного яканья могло быть поддержано наличием сходной модели безударно-го вокализма после мягких согласных). О возможности происхожде-ния умеренного яканья вне связи с влиянием владимиро-поволжской модели безударного вокализма см. также [Дурново 1918: 83⁴⁶; van

⁴⁴ «В сравнительно небольшом количестве пунктов произношение [о] на месте ё отмечено как основное произношение... Во многих владимирско-поволжских говорах пре-дударное о на месте этимологического ё наблюдается только в определенном круге слов» [Скобликова 1962: 116, 113]

⁴⁵ Видимо, именно этот факт позволил Р. И. Аванесову не связывать возникновение умеренного яканья именно с владимиро-поволжским вокализмом [Аванесов 1955: 41]. Другие аргументы против гипотезы Е. Ф. Будде – В. Н. Сидорова см. в работе [Котков 1952].

⁴⁶ «Происхождение умеренного яканья на южновеликорусской почве без влияния со сто-роны вполне возможно» [Дурново 1918: 83].

Wijk 1934–1935; Калнынь 1952]. Как кажется, такая интерпретация механизма возникновения умеренного яканья совершенно не противоречит общей идеологии гипотезы В. Н. Сидорова⁴⁷.

Иная гипотеза возникновения умеренного яканья (из диссимилятивного яканья архаического типа) предложена Д. М. Савиновым: «Не следует преувеличивать роль мягких согласных в образовании умеренного яканья: до сих пор перед *e* (из *e* и *y*), а также перед *u* в некоторых говорах Тульской обл. произносятся немягкие согласные... Можно предположить, что появление умеренного принципа вокализма было обусловлено не мягкостью соседнего согласного, а следующим гласным переднего ряда, и, таким образом, данное изменение следует рассматривать как регressive ассимиляцию гласных, ... которая возникает прежде всего перед /ɨ/... Затем ассимиляции подвергаются предударные гласные, находящиеся перед /i/, а позднее — перед ударными /o/ и /y/, которые в архаических южнорусских говорах реализуются как дифтонги с начальной фазой [и] — [ио], [иу]... Таким образом возникает архаическое диссимилятивно-умеренное яканье, постепенно изменяющееся в диссимилятивно-умеренное яканье неархаического типа. Затем ассимиляции подвергается гласный перед слогом с ударным [a], в результате чего появляется чисто умеренное яканье» [Савинов 2000: 16–18].

Эта гипотеза вызывает, на наш взгляд, целый ряд серьезных возражений:

1) трактовка, согласно которой переход [a] в [и] и [и] в [a] рассматривается как изменение ряда гласного (под влиянием ряда следующего гласного), выглядит неубедительно. Так, если изменение [a] → [и] перед /o/⁴⁸, /y/ — это ассимиляция по ряду, то непонятно, какой признак меняется: ведь если /o/, /y/ — гласные переднего ряда, то и [a] тоже является гласным переднего ряда, следовательно, при изменениях [a] → [и] и [и] → [a] меняется не ряд, а подъем. Более того, в начале своей работы Д. М. Савинов указывает, что «для тульских говоров следует говорить о функциональном противопоставлении в первом предударном слоге после мягких согласных звукотипов [и] (*i*, *u*) и не-[и] (*e*, *e*, *ä*, *a*)» [Савинов 2000: 8]. Очевидно, что и это противопоставление — не по ряду, а по подъему (исходно — по длительности), которое не может быть обусловлено рядом следующего гласного;

⁴⁷ Отметим, впрочем, что и гипотеза Е. Будде – В. Н. Сидорова не противоречит излагаемой в данной работе концепции, так как умеренное яканье в ее рамках выводится из взаимодействия оканья и недиссимилятивного, а не архаического, аканья.

⁴⁸ Здесь, по-видимому, имеется в виду /o/, а не /o/, т.к. перед /o/ при архаическом диссимилятивном яканье произносится [и]. /o/ после мягких согласных возможна только по аналогии.

2) неясно, как объяснить наличие [а] перед ударным [о] ([п'асóк] — песок), если умеренное яканье сформировалось из диссимилятивного архаического (при котором произносится [п'исóк])? Ведь изменение ряда должно было давать [пысóк]. Видимо, и этот факт должен быть объяснен как результат ассимиляции по подъему;

3) если это изменение в результате ассимиляции по подъему, то почему перед [а] произошло изменение [и] в [а] ([л'атáт'] — летать), а перед [а] — нет ([л'итáт'] летят)?

4) если изменение [и] в [а] обусловлено межслоговой вокальной ассимиляцией (по ряду и/или подъему) и не связаны с количественными отношениями гласных, то почему не изменился в [а] перед ударными [о] и [а] тот [и], который реализует фонему <и> (листок, листать)?

5) как объяснить различия [фцв'атк'é] // [вв'идр'é], традиционно связываемые с местом образования второго согласного сочетания⁴⁹, если они связаны не с согласным, а с последующим гласным?

6) в соответствии с классической точкой зрения на природу формирования умеренного яканья под влиянием соседних мягких согласных механизм изменения [а] → [и] выглядит совершенно прозрачным: в положении между двумя мягкими согласными гласный [а] имеет начальный и конечный [и]-образные переходные участки ([иаи]), что при сокращении длительности его стационарной части может приводить к изменению в [и]. Если же твердость/мягкость согласных еще не сформировалась в момент формирования умеренного яканья и роль мягких согласных в его образовании Н. Н. Дурново и В. Н. Сидоровым преувеличена [Савинов 2000: 16], а указанные изменения осуществляются только в результате вокальной ассимиляции, то почему им не подвергаются предударные гласные в положении после твердого согласного и в начале слова; иными словами — почему не наблюдается умеренного яканья (и даже его следов в виде различий в произношении предударного гласного в *палата* и *поляна*) — ведь после современных твердых согласных тип вокализма должен быть таким же, как после нынешних мягких;

6) если ударные /ω/ и /y/ после современных мягких согласных представляют собой дифтонги или дифтонгоиды типа [ио], [иу], то не вполне ясно, откуда возникла эта дифтонгоидность, если не после мягкого согласного;

7) по мнению Д. М. Савинова, его гипотеза «выглядит более адекватно в типологическом плане... так как вписывается в ряд типологи-

⁴⁹ Сочетания из двух согласных, второй из которых мягкий, ведут себя как твердый согласный, если второй согласный заднеязычный (он не вызывает ассимиляции по мягкости), и как мягкий согласный, если второй согласный не заднеязычный [Касаткин 1999: 449–463].

чески соотносимых изменений, свойственных русским говорам вообще. Так, Л. Л. Касаткин показал, что переход *ѣ* в *и* и *ѧ* в *е*, также традиционно связываемый с воздействием следующего мягкого согласного, реально был вызван ассимиляцией следующему гласному переднего образования» [Савинов 2000: 18–19]. Однако переход *ѣ* в *и* и *ѧ* в *е* не мог быть связан с влиянием последующего гласного переднего ряда, в первую очередь, в силу того, что *ѣ* и *ѧ* сами по себе являются гласными переднего ряда (подробнее об этом см. [Князев 2000б]);

8) вряд ли можно согласиться с утверждением о том, что «тульское умеренное яканье выбивается из стройной картины типов предударного вокализма после мягких согласных, представленных в южнорусском наречии» [Савинов 2000: 16]. Поскольку все эти типы диссимилятивного вокализма отражают зависимость длительности гласного первого предударного слога от длительности сегментов ударного слога (см. выше), то и умеренное яканье может быть рассмотрено как сокращение длительности предударного гласного в положении перед мягким согласным (более долгим, чем твердый)⁵⁰;

9) впрочем, даже и в том случае, если бы «тульское умеренное яканье выбивалось из стройной картины типов предударного вокализма», свойственных соседним говорам, с которыми у тульских диалектов единая историческая основа, это не могло бы служить существенным аргументом против классической теории возникновения умеренного яканья: если бы все соседние говоры развивались по одним и тем же законам, никакого диалектного варьирования не наблюдалось бы вовсе;

10) межслоговая вокальная ассимиляция в говорах Тульской обл., безусловно, существует. Однако необходимо строго разграничивать межслоговую вокальную ассимиляцию по качеству (и диссимиляцию по количеству), представляющую собой а) коартикуляционный процесс (например, в тульских говорах и СРЛЯ) и б) фонологическое правило (например, в тюркских языках или в рязанских говорах с ассимилятивно-диссимилятивным яканьем), иначе и литературное аканье придется описывать как ассимилятивно-диссимилятивное (поскольку в СРЛЯ наблюдается как ассимиляция по лабиализации (*n/[у]тина*), так и диссимиляция по количеству между гласными ударного и первого предударного слога — см. Табл. 3.1).

⁵⁰ Наличие элементов диссимилятивности при умеренном яканье и диссимилятивно-умеренный тип яканья могут быть объяснены тем, что на систему сильного яканья действовали (одновременно или последовательно) две тенденции — компенсаторные отношения по длительности между гласными просодического ядра слова и воздействие последующего мягкого согласного на безударный гласный.

(3.1) Длительность гласного [а] в первом предударном слоге в процентах от длительности ударного гласного (при прочих равных условиях) в изолированно произнесенных словах СРЛЯ

	Диктор 1	Диктор 2	Диктор 3
перед гласными верхнего подъема	66,5%	64%	55%
перед гласными среднего подъема	60%	60,6%	54%
перед гласными нижнего подъема	55%	56%	50%

(по данным курсовой работы студента II курса филологического факультета МГУ А. Исаеляна; усреднено по 43 стимулам для каждого диктора)

Наконец, формирование ассимилятивно-диссимилятивных моделей может быть связано с широко распространенным в русских говорах явлением межслоговой вокальной ассимиляции⁵¹. При этом возникновение [а] на месте [ъ] перед ударным [а] при отсутствии безударных [е], [о] перед соответствующими ударными гласными может объясняться тем, что безударное [а] (в отличие от [е] и [о]) уже было возможным в первом предударном слоге в говорах с диссимилятивными типами предударного вокализма.

Иначе объясняли возникновение ассимилятивно-диссимилятивного яканья Н. Н. Дурново и В. Н. Сидоров, считавшие, что оно может быть возведено только к такой модели яканья, в которой различаются предударные гласные на месте фонемы <и>, с одной стороны, и фонем неверхнего подъема, с другой (поскольку в ассимилятивно-диссимилятивных моделях на месте фонемы <и> произносится [и] в том числе и перед ударным [а], то есть на реализацию этой фонемы принцип ассимиляции ударному [а] не распространяется; иначе говоря, предударное [а] в позиции перед ударным [а] не может быть из [и], так как тогда [и] любого происхождения давало бы [а]). Этому условию, по мнению Н. Н. Дурново и В. Н. Сидорова, удовлетворяет только задонский подтип архаического диссимилятивного яканья (отличающийся от обоянского наличием [е] на месте [и]): «Ассимилятивно-диссимилятивное яканье... получилось из диссимилятивного восточного (задонского) типа вследствие ассимиляции предударных открытых гласных гласным ударяемого слога» [Дурново 1923: 369]; «Ассимилятивно-диссимилятивное яканье должно восходить к такому типу архаического диссимилятивного яканья, в котором предударная гласная на месте гласных неверхнего подъема различалась с предударной гласной из этимологического *и*. Этому требованию как раз удовлетворяло диссимилятивное яканье задонского типа» [Сидоров 1969: 13]. Основным недостатком этой гипотезы является тот

⁵¹ См. об этом выше. Ср. также наличие в русских говорах таких моделей вокализма, как оканье с ассимилятивным аканьем и аканье с ассимилятивным оканьем.

факт, что в русских говорах ассимилятивно-диссимилятивное яканье на базе архаического не зафиксировано [Мораховская 1962]. Кроме того, исходя из этой точки зрения, очень сложно объяснить возникновение кидусовского, култуковского и новоселковского типов непосредственно из архаического.

С другой стороны, легко видеть, что предложенному Н. Н. Дурново и В. Н. Сидоровым ограничению вполне удовлетворяет не только задонская модель, но и система любого типа диссимилятивного яканья на этапе до изменения [ъ] → [и] (тем самым ассимилятивно-диссимилятивные модели следует считать достаточно древними; об отражении этих моделей в документах XVII века, написанных в районе Рязска и Рязани, см. [Новопокровская 1959]⁵²).

Подробный анализ современных лингвогеографических данных в связи с проблемой территории возникновения яканья и вопросом о том, какой из типов яканья является первичным, содержится в работе [Хабургаев 1980]. Эти сведения являются, по существу, едва ли не единственным аргументом в пользу первичности диссимилятивных моделей яканья, поскольку, как это было показано выше, из системных соображений более вероятной представляется гипотеза о первичности недиссимилятивного яканья, а данные памятников письменности не дают никаких оснований считать наиболее древним архаическое диссимилятивное яканье⁵³. Однако следует иметь в виду, что данные лингвогеографии сами по себе нельзя рассматривать как окончательные аргументы в пользу той или иной гипотезы: «Постановка подобных вопросов на основе интерпретации изоглосс всегда имеет предварительный и более или менее условный характер, их полное разрешение требует синтеза с показаниями памятников письменности и еще более детального изучения каждого явления в отдельности» [Орлова 1961: 5]. Более подробное обсуждение этого вопроса см. в [Князев 2000].

Л и т е р а т у р а

- Аванесов 1947 — Аванесов Р. И. Вопросы образования русского языка в его говорах // Вестник Московского университета. 1947. № 9.
Аванесов 1952 — Аванесов Р. И. Лингвистическая география и история русского языка // Вопр. языкоznания. 1952. № 6.

⁵² Иное (нефонетическое) объяснение возникновения ассимилятивно-диссимилятивного яканья см. в работе [Захарова 1977].

⁵³ Более или менее надежные сведения письменных источников о диссимилятивном характере яканья (впрочем, при недиссимилятивном яканье) в южнорусских (курских) говорах относятся лишь к середине XVII в. [Хабургаев 1960], при том что возникновение яканья принято датировать концом XII – началом XIII вв. В более ранних памятниках следов диссимилятивности не обнаруживается [Филин 1972: 120–128].

- Аванесов 1955 — *Аванесов Р. И.* Проблемы образования языка великорусской народности // Вопр. языкоznания. 1955. № 5.
- Альмухамедова; Кульшарипова 1980 — *Альмухамедова З. М., Кульшарипова Р. Э.* Редукция гласных и просодия слова в окающих русских говорах. Казань, 1980.
- Атлас 1957 — Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. Вступительные статьи и комментарии. М., 1957.
- Белая 1974 — *Белая А. С.* К характеристике квантитативно-просодических различий в надсновских говорах на Черниговщине // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1971. М., 1974.
- Бондарко 1998 — *Бондарко Л. В.* Фонетика современного русского языка. СПб., 1998.
- Борковский, Кузнецов 1965 — *Борковский В. И., Кузнецов П. С.* Историческая грамматика русского языка. М., 1965.
- Брок 1916 — *Брок О.* Говоры к западу от Мосальска. Пг., 1916.
- Будде 1896 — *Будде Е.* К истории великорусских говоров. Опыт историко-сравнительного исследования народного говора в Касимовском уезде Рязанской губернии. Казань, 1896.
- Бурова, Касаткин 1977 — *Бурова Е. Г., Касаткин Л. Л.* Чухломское аканье // Диалектологические исследования по русскому языку. М., 1977.
- Войтович 1971 — *Войтович Н. Т.* О структурном параллелизме типов безударного вокализма и нарушениях его в белорусских говорах (к проблеме аканья) // Вопр. языкоznания. 1971. № 2.
- Войтович 1972а — *Войтович Н. Т.* К вопросу о путях развития аканья в восточно-славянских языках // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1970. М., 1972.
- Войтович 1972б — *Войтович Н. Т.* О связи вокализма с ритмо-интонационной структурой высказывания в русских и белорусских говорах // Русское и славянское языкоznание. М., 1972.
- Войтович 1973 — *Войтович Н. Т.* О позиционной долготе гласных и развитии аканья // Вопр. языкоznания. 1973. № 6.
- Высотский 1967 — *Высотский С. С.* Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах (по материалам экспериментально-фонетического исследования) // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967.
- Высотский 1973 — *Высотский С. С.* О звуковой структуре слова в русских говорах // Исследования по русской диалектологии. М., 1973.
- Георгиев 1963 — *Георгиев В. И.* Русское аканье и его отношение к системе фонем праславянского языка // Вопр. языкоznания. 1963. № 2.
- Георгиев 1964 — *Георгиев В. И.* Общеславянское значение проблемы аканья // Вопр. языкоznания. 1964. № 4.
- Георгиев 1965 — *Георгиев В. И.* Аканье и иканье в истории русского языка // Проблемы современной филологии. М., 1965.
- Георгиев 1968 — *Георгиев В. И.* Праславянский вокализм и проблема аканья // *Георгиев В. И., Журавлев В. К., Филин Ф. П., Стойков С. И.* Общеславянское значение проблемы аканья. София, 1968.
- Горшкова, Хабургаев 1997 — *Горшкова К. В., Хабургаев Г. А.* Историческая грамматика русского языка. М., 1997.

- Дурново 1903 — *Дурново Н. Н.* Описание говора дер. Парfenok Рузского уезда Московской губ. Варшава, 1903.
- Дурново 1918 — *Дурново Н. Н.* Диалектологические разыскания в области великорусских говоров. Часть 1. Южновеликорусское наречие. М., 1918. Вып. 2.
- Дурново 1923 — *Дурново Н. Н.* Ответ проф. Е. Ф. Будде // Известия ОРЯС. Т. XXIV. Кн. 2. Пг., 1923.
- Дурново 1924 — *Дурново Н. Н.* Очерк истории русского языка. М., 1924.
- Зализняк 1985 — *Зализняк А. А.* От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
- Захарова 1959 — *Захарова К. Ф.* Архаические типы диссимилятивного яканья в говорах Белгородской и Воронежской областей // Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия. Т. I. М., 1959.
- Захарова 1961 — *Захарова К. Ф.* Некоторые случаи утраты архаического типа диссимилятивного яканья (По материалам «Атласа русских народных говоров юго-западных областей РСФСР») // Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия. Вып. II. М., 1961.
- Захарова 1971 — *Захарова К. Ф.* Типы диссимилятивного яканья в русских говорах // Вопр. языкоznания. 1971. № 2.
- Захарова 1977 — *Захарова К. Ф.* К вопросу о генетической основе типов ассимилятивно-диссимилятивного яканья // Диалектологические исследования по русскому языку. М., 1977.
- Захарова, Орлова 1970 — *Захарова К. Ф., Орлова В. Г.* Диалектное членение русского языка. М., 1970.
- Калнынь 1952 — *Калнынь Л. Э.* Коломенские говоры в их истории и современном состоянии. Дисс... канд. филол. наук. М., 1952.
- Касаткин 1998 — *Касаткин Л. Л.* Некоторые фонетические особенности современных русских говоров, описанных в начале XX века О. Броком // A Centenary of Slavic Studies in Norway. The Olaf Broch Symposium. Oslo, 1998.
- Касаткин 1999 — *Касаткин Л. Л.* Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.
- Касаткина 1996 — *Касаткина Р. Ф.* Межслоговая ассимиляция гласных в русских говорах // Просодический строй русской речи. М., 1996.
- Касаткина, Щигель 1995 — *Касаткина Р. Ф., Щигель Е. В.* Ассимилятивно-диссимилятивное яканье // Проблемы фонетики. II. М., 1995.
- Касаткина, Щигель 1996 — *Касаткина Р. Ф., Щигель Е. В.* Особенности просодии слова в южно-русских говорах // Просодический строй русской речи. М., 1996.
- Касаткина и др. 1999 — *Касаткина Р. Ф., Касаткин Л. Л., Красовицкий А. М., Савинов Д. М., Щигель Е. В.* Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Часть II. Южнорусское наречие. М., 1999.
- Князев 1998 — *Князев С. В.* Фонетическая реализация ударения в различных фразовых позициях в современном русском языке // Фонетика сегодня: актуальные проблемы и университетское образование. Тезисы докладов Международной конференции. Звенигород, 25–27 ноября 1998 года. М., 1998.
- Князев 1999 — *Князев С. В.* О прогрессивной ассимиляции в русском языке // Вестник Моск. университета. Сер. 9. Филология. 1999. № 4.

- Князев 2000а — Князев С. В. К вопросу о механизме возникновения аканья в русском языке // Вопр. языкоznания. 2000. № 1.
- Князев 2000б — Князев С. В. О некоторых звуковых изменениях в праславянском и русском языках // Вестник Моск. университета. Сер. 9. Филология. 2000, № 5.
- Князев, Левина, Пожарицкая 1997 — Князев С. В., Левина А. Н., Пожарицкая С. К. О говорах Верхней Пинеги и Выи // Вопросы русского языкоznания. Вып. VII. Русские диалекты: история и современность. М., 1997.
- Князев, Урбанович (в печати) — Князев С. В., Урбанович Г. И. О ритмической модели слова в некоторых архангельских (пинежских) говорах (в печати).
- Кодзасов (в печати) — Кодзасов С. В. Краевые акценты в русском языке (в печати).
- Конечна 1958 — Конечна Г. Ассимиляция и диссимилияция // Вопр. языкоznания. 1958. № 1.
- Котков 1952 — Котков С. И. К изучению орловских говоров // Уч. зап. Орловского пед. ин-та. Т. VII, вып. 3. Орел, 1952.
- Кузнецов, Отт 1989 — Кузнецов В. Б., Отт В. А. Автоматический синтез речи. Алгоритмы преобразования «буква-звук» и управление длительностью речевых сегментов. Таллинн, 1989.
- Кузнецов 1964 — Кузнецов П. С. К вопросу о происхождении аканья // Вопр. языкоznания. 1964. № 1.
- Курило 1924 — Курило Олена. Фонетичні та деякі морфологічні особливості говорки с. Хоробричів Городнянського району Чернігівської області. Київ, 1924.
- Курило 1928 — Курило О. Б. До питання про умови диссимілятивного акання // Зап. історико-філологічного відділу Укр. АН, XVII. Київ, 1928.
- Ломоносов — Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. М.; Л., 1950–1983.
- Лыткин 1965 — Лыткин В. И. Еще к вопросу о происхождении русского аканья // Вопр. языкоznания, 1965. № 4.
- Мораховская 1962 — Мораховская О. Н. Соотношение типов яканья в говорах рязанской мещеры // Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия. Т. III. М., 1962.
- Новопокровская 1955 — Новопокровская В. Н. Диалектные особенности рязанских говоров XVII века (по рукописи Рязанского областного архива УМВД). Дисс... канд. филол. наук. Рязань, 1955.
- Новопокровская 1959 — Новопокровская В. Н. О некоторых особенностях вокализма рязанских говоров XVII в. // Материалы совещания по изучению южнорусских говоров и памятников письменности при Воронежском университете. Воронеж, 1959.
- Образование 1970 — Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров (по материалам лингвистической географии). М., 1970.
- Орлова 1961 — Орлова В. Г. Русско-белорусские языковые отношения по данным диалектологических атласов // Материалы и исследования по русской диалектологии. Вып. II. М., 1961.
- Пауфошима 1980 — Пауфошима Р. Ф. Активные процессы в современном русском литературном произношении (ассимилятивные изменения безударных гласных) // Известия ОЛЯ АН СССР. Серия литературы и языка, 1980. Т. 39, № 1.

- Пауфошима 1983 — *Пауфошима Р. Ф.* Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах. М., 1983.
- Пожарицкая 1997 — *Пожарицкая С.К.* Русская диалектология. М., 1997.
- Потебня 1865 — *Потебня А. А.* О звуковых особенностях русских наречий // *Филологические записки*. Вып. 1. Воронеж, 1865
- Руделев 1963 — *Руделев В. Г.* К фонологической интерпретации русского аканья // *Вопр. языкоznания*. 1963. № 2.
- Савинов 2000 — *Савинов Д. М.* Вокализм первого предударного слога некоторых тульских говоров (Белевский и Веневский районы). Автореф... дисс. канд. филол. наук. М., 2000.
- Сидоров 1951 — *Сидоров В. Н.* О происхождении умеренного яканья в среднерусских говорах // *Известия ОЛЯ АН СССР*. Вып. 2. М., 1951.
- Сидоров 1966 — *Сидоров В. Н.* Умеренное яканье в среднерусских говорах и севернорусское ёканье // *Сидоров В. Н.* Из истории звуков русского языка. М., 1966.
- Сидоров 1969 — *Сидоров В. Н.* Два пути образования умеренного яканья из ёканья // *Сидоров В. Н.* Из русской исторической фонетики. М., 1969.
- Скобликова 1962 — *Скобликова Е. С.* О судьбе этимологического ъ в первом предударном слоге перед твердым согласным в говорах владимирско-поворлжской группы // *Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия*. Т. III. М., 1962.
- Трубецкой 1987 — *Трубецкой Н. С.* О звуковых изменениях русского языка и распаде общерусского языкового единства // *Трубецкой Н. С.* Избранные труды по филологии. М., 1987.
- Филин 1968 — *Филин Ф. П.* О происхождении и развитии восточнославянского аканья // *Георгиев В. И., Журавлев В. К., Филин Ф. П., Стойков С. И.* Общеславянское значение проблемы аканья. София, 1968.
- Филин 1972 — *Филин Ф. П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. М., 1972.
- Хабургаев 1960 — *Хабургаев Г. А.* К истории некоторых фонетических особенностей курских говоров // *Вопросы русского языка и методики его преподавания*. Курск, 1960.
- Хабургаев 1965 — *Хабургаев Г. А.* О фонологических условиях развития русского аканья // *Вопр. языкоznания*. 1965. № 6.
- Хабургаев 1975 — *Хабургаев Г. А.* Географическое варьирование системных отношений как материал исторической диалектологии // *Русские говоры. К изучению фонетики, грамматики, лексики*. М., 1975.
- Хабургаев 1980 — *Хабургаев Г. А.* Становление русского языка (пособие по исторической грамматике). М., 1980.
- Чекмонас 1987 — *Чекмонас В. Н.* Территория зарождения и этапы развития восточнославянского аканья в свете данных лингвогеографии // *Russian linguistics*. 1987. № 11.
- Чекмонас 1989 — *Чекмонас В. Н.* Аканье (яканье) и редукция безударных гласных неверхнего подъема // *Kalbotyga*. № 40 (2). *Slavistica Vilnensis*. Vilnius, 1989.
- Чекмонас 1998 — *Чекмонас В. Н.* Аканье и оканье в северной части Псковской области (полновские говоры) // *Kalbotyga*. № 47 (2). *Slavistica Vilnensis*. Vilnius, 1998.

- Шахматов 1893 — *Шахматов А. А.* Исследования в области русской фонетики. Варшава, 1893.
- Шахматов 1915 — *Шахматов А. А.* Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915.
- Щерба 1912 — *Щерба Л. В.* Русские гласные в качественном и количественном отношении. СПб., 1912.
- Beckman 1986 — *Beckman, Mary E.* Stress and Non-Stress Accent. Foris Publications. Dordrecht — Holland / Riverton — U.S.A. 1986.
- Halle 1965 — *Halle, Morris.* Akan'e. The treatment of unstressed nondiffuse vowels in Southern Great Russian dialects // *Symbolae linguisticae in honorem Georgii Kurylowicz.* Wroclaw-Warszawa-Krakow, 1965.
- Jacobson 1929 — *Jacobson, R.* Remarque sur l'évolution phonologique du russe // *Travaux du Cercle Linguistique de Prague*, 2. Prague, 1929.
- Kodzasov 1999 —